

Ю. А. Бахурин
Историк (Москва)

ВЫНУЖДЕННЫЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ ИЗ ЗАПАДНЫХ ОКРАИН РОССИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1917 ГГ.): ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИИ И ПРИЧИН

***Аннотация:** Статья посвящена проблемам понятийного аппарата, применяемого для описания истории вынужденных переселений в Российской империи в годы Первой мировой войны, а также причинам этого социального явления. Рассмотрены различные точки зрения историков, на основе обобщения данных их работ и архивных источников сделаны выводы об оптимальности дефиниции «вынужденные переселения» для её использования в научном обороте, проанализирован комплекс их причин.*

***Ключевые слова:** беженцы, вынужденные переселения, армия, прифронтовая полоса, «черта оседлости», проблемы терминологического аппарата*

На сегодняшний день в российском гражданском праве проводится различие между беженцами и вынужденными переселенцами: первыми считаются граждане другого государства, которые ввиду опасности для жизни были вынуждены бежать на территорию России, вторые же — непосредственно граждане России. Тот же принцип гражданской принадлежности положен и в основу разделения этих двух понятий в международном праве¹. Вместе с тем исследователю отечественной истории весьма сложно оставаться в рамках современных законодательных дефиниций. Так, крупным исследователем истории и географии депортаций в России и СССР П. М. Поляном было предложено понятие «принудительные миграции»². Под ними автор подразумевает перемещения значительных масс людей, предпринятые государством по отношению к своим или чужим гражданам путем принуждения. Ключевым элементом этого определения является государство как объект принуждения.

Видный историк проблематики беженства в годы Первой мировой войны П. Гэттрелл отделяет беженцев, добровольно покинувших места проживания ввиду угрозы наступления врага от подвергшихся интернированию масс населения Польши и Прибалтики. При этом вторые

образуют категорию, количественно превосходящую общее число беженцев. Данная точка зрения в известной мере соответствует положениям закона «Об обеспечении нужд беженцев», принятого 30 августа 1915 г.^{*}, статья 1 которого гласила: «Беженцами признаются лица, оставившие местности, угрожаемые неприятелем или им уже занятые, либо выселенные распоряжением военных или гражданских властей из района военных действий, а также выходцы из враждебных России государств»³. Примечание к статье уточняет, что лица, высланные из района военных действий под надзор полиции, к числу беженцев не относятся. Под таковыми подразумеваются депортированные немецкие колонисты и евреи, считавшиеся имперской властью и военным командованием «резервом врага»⁴.

Однако анализ событий Первой мировой войны демонстрирует некоторую условность этого определения. Ещё 18 июня 1892 г. Александром III были утверждены «Правила о местностях, объявленных на военном положении», в главе V, §19, п. 17 которых говорилось: «Генерал-губернаторы или облеченные властью лица имеют право:...высылать отдельных лиц во внутренние губернии Империи с извещением о том министра внутренних дел для учреждения за ними полицейского надзора на время не свыше продолжения военного положения, а иностранцев высылать за границу»⁵. Действительно, в начале кампании 1914 г. в прифронтовой зоне и на оккупируемых территориях практиковалось выдворение отдельных лиц или групп лиц по подозрению в сотрудничестве с врагом. Например, 12 августа 1914 г. вышел приказ войскам 2-й армии Северо-Западного фронта о высылке в Пермскую губернию поданного Германской империи Михеля Шульца, задержанного без документов в г. Остроленка Ломжинской губернии. Проведенное дознание не подтвердило подозрений его в шпионаже, тем не менее присутствие Шульца в районе действий армии было признано «нежелательным и вредным»⁶. Аналогичным образом высылке, правда, в Архангельскую губернию были подвергнуты еврейские семейства Перец и Бродерзон, проживавшие в поселке Мышинец Остроленского уезда. Они обвинялись в пособничестве войскам противника. Проведенное начальником жандармского управления Остроленского, Островского и Маковского уездов доказало их вину. Бродерзон содержал пивную лавку, в которой немцы пили пиво, Перец — пивоваренный завод, а также лавку в Дом-

* Даты в статье по старому стилю

брове при таможене. Немцы с разрешения хозяина забирали из лавки хлеб. 5 июля 1914 г. за раздачу войскам противника хлеба и пива Перец и был задержан⁷. На основании этого инцидента 3 недели спустя комендант Мышенца отдал приказ всему еврейскому населению поселка (около 2000 человек) немедленно покинуть его.

Фигуранты приведенных примеров де-юре и де-факто не являлись беженцами. Кроме того, было возможно организовать за ними полицейский надзор. Однако именно их преследование в рамках оккупационного режима положило начало развитию комплекса мер по ликвидации «немецкого засилья» и массовому интернированию евреев из прифронтовой полосы. Одновременно с этим правительство приступило к разработке законопроектов, направленных против землевладения выходцев из Германии⁸. Из всего перечня негативных последствий этих не всегда оправданных, радикальных мероприятий на всем протяжении Северо-Западного фронта одного лишь всплеска шпиономании оказалось достаточно для издания обратного по духу приказа Верховного Главнокомандующего № 524 от 26 июня 1915 г., в котором тот обещал «на всякое подпольное обвинение лиц, ни в чем неповинных, или только носящих нерусскую фамилию... я буду смотреть, как на попытку... внести смуту в рядах нашей доблестной армии». А месяцем ранее министр внутренних дел А. Н. Хвостов на заседании Совета министров указал на то, что предпринимавшиеся в отношении еврейского населения репрессивные меры не оправдываются его действительным поведением, поскольку оно в целом остается лояльным и не может нести ответственность за действия отдельных лиц⁹.

Колоссальные массы немецкого и еврейского населения, выселявшиеся вглубь империи начиная с весны 1915 г., уже физически не могли быть поставлены под надзор Министерства внутренних дел. Более того, поскольку 95% подвергшихся в конце 1914–1915 гг. депортации немецких колонистов проживали в сельской местности, а основная их масса — 60,76% хозяйств — занималась земледелием¹⁰, причем на превосходном по сравнению с остальной Россией уровне, губернские власти были вынуждены делить прибывающих в тыл беженцев по профессиональным категориям и перенаправлять «хлебопашцев» в регионы с депрессивным состоянием аграрной сферы, в частности, в Вятскую губернию.

Данное обстоятельство демонстрирует фактическую разницу между выдворением политически неблагонадежных элементов в начале Первой мировой войны и в её разгаре, не регламентированную законом

«Об обеспечении нужд беженцев». Одновременно с тем добровольное перемещение последних (в том числе как евреев, так и немцев) во внутренние губернии России не укладывается в формулировку Поляна о принуждении государством, поскольку было обусловлено в том числе и неудачами Русской императорской армии в боевых действиях на западных фронтах и её последующим «Великим Отступлением». В данной связи понятия «вынужденные переселения» и «вынужденные переселенцы» являются общими для характеристики как процессов беженства, так и депортационных мер в период Первой мировой войны.

Однако наряду с понятийным аппаратом внимания заслуживает и проблематика комплекса причин вынужденных переселений из западных окраин Российской империи в годы Первой мировой, по которой в научной литературе также присутствуют различные позиции.

С начала войны и до весны 1915 г. в России преобладало стихийное беженство, имевшее добровольный характер, а общая численность перемещенных людей не превышала нескольких сотен тысяч человек, большинство из которых расселилось в прифронтовой местности. После окончания боев обыватели в основном возвращались на родные места¹¹. Аналогичным образом в Германии порядка полумиллиона беженцев из Восточной Пруссии в начале кампании 1914 г. вернулись на свою разорённую землю к началу весеннего сева 1915 г.¹²

Схожие процессы наблюдались и на территории воюющей Бельгии. Когда в октябре 1914 г. германская армия начала обстрел Антверпена, нейтральные Нидерланды столкнулись с проблемой приема бельгийских беженцев, 900 тыс. которых в течение нескольких дней оказались в нидерландской провинции Северный Брабант, где им было предоставлено питание и размещение. Впрочем, уже до конца года порядка 250 тысяч беженцев вернулись домой¹³.

Весна 1915 г. ознаменовалась для Российской империи чередой кризисов на фронтах. Германские войска оккупировали Курляндию и т. д. Началось тягостное «Великое Отступление» Русской императорской армии из западных губерний. Германская оккупация Курляндии и нехватка резервов для размещения в прифронтовой полосе вызвали массовое движение латышских беженцев во внутренние губернии России. В конечном счёте, они представляли собой наиболее многочисленную диаспору вынужденных переселенцев среди представителей не-русских национальностей¹⁴. Следует отметить, что по вопросу количественного соотношения беженцев и выселенных принудительно в научной лите-

ратуре нет единого мнения. Исследователь А. Н. Курцев цитирует мнение председателя Комитета е. и. в. Великой княжны Татьяны Николаевны А. Б. Нейдгарта, утверждавшего, что во внутренних губерниях России оказались «в громадном большинстве даже не беженцы, а выселенцы, так как покинули свои родные места <...> не по собственной воле, а по распоряжению и под давлением военных властей»¹⁵. По сведениям же историка Э. Лора, количество интернированных евреев приблизительно насчитывало от полумиллиона до миллиона, немцев-колонистов — более 500 тысяч человек¹⁶ — цифры, при всей своей колоссальности не составлявшие большей части от общего числа вынужденных переселенцев (до 5 миллионов человек). Вопрос, таким образом, остаётся открытым.

События, аналогичные происходившим в Прибалтике, имели место и в Царстве Польском. Там, наряду с добровольным беженством, вследствие желания военного начальства предоставить наступающему врагу «вместо цветущего края пустыню», вглубь Российской империи целыми уездами было выдворено и польское население сельских местностей Люблинской и Холмской губерний¹⁷.

Вместе с тем широкий размах, как отмечалось выше, приняли меры по выдворению немецких колонистов и представителей еврейских общин, в которых многие представители власти и командования видели потенциальных коллаборационистов. Действия, направленные против этнических немцев и лиц, имевших немецкое происхождение, происходили в рамках общей кампании по «борьбе с немецким засильем», которая в экономическом плане в очень скором времени выразилась в откровенный передел собственности и экономического влияния в пользу тех экономических групп, которые называли себя выразителями «русских интересов». В конечном счете он сыграл свою роль и в качестве одного из факторов делегитимации самодержавия в России¹⁸.

В современной историографии существует точка зрения, возлагающая персональную ответственность за массовые выселения евреев и немцев непосредственно на Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича-младшего. Например, исследователь царствования Николая II П. В. Мультатули достаточно резко писал: «Довершением этого паникерского стратегического и политического бесплодия стали решения Главнокомандующего и начальника штаба Янушкевича о массовом выселении евреев и немецких колонистов из прифронтовых территорий»¹⁹. Историк С. В. Куликов же и во-

все утверждал, что интернирование евреев из прифронтовой полосы в 1914–1915 гг. проводилось вопреки мнению царя и правительства²⁰. Насколько объективны данные суждения?

Прежде всего, следует вспомнить, что антисемитизм с последней трети XIX в. представлял собой одну из субъективных сторон российской общественно-политической жизни. К 1881 г. в обществе утвердилась сформулированная консервативным мыслителем и историком Д. И. Иловайским позиция касательно имперских подданных-евреев: они являются вторым после поляков по численности и деструктивной мотивировке элементом революционного движения²¹. Обозначенная точка зрения последовательно отразилась на отношении к данной категории инородцев в армейской среде. К примеру, за время нахождения на посту военного министра П. С. Ванновского (с 1881 по 1898 гг.) был составлен перечень должностей, на которые не допускались евреи и поляки. В 1910 г. заведующий законодательным отделом канцелярии Военного Министерства генерал-майор Н. Н. Янушкевич выдвинул предложение изъять евреев из состава вооруженных сил, что, по его мнению, было «возможно лишь при условии совершенного удаления евреев из пределов родины или путем возложения на них денежного налога»²². Столь радикальные меры обосновывались сведениями о большом недоборе в армию евреев-новобранцев в 1901–1908 гг. и о значительном количестве евреев-солдат, сдавшихся в плен во время недавней русско-японской войны. Однако предложения эти были признаны трудновыполнимыми и не получили развития. Янушкевич, между тем, не оставил призывов даже с началом войны.

27 ноября 1914 г. комендантом крепости Новогеоргиевск генералом от кавалерии Н. П. Бобырем был отдан приказ, который гласил: «... При занятии населенных пунктов брать от еврейского населения заложников, предупреждая, что в случае изменнической деятельности какого-либо из местных жителей заложники будут казнены»²³. 20 июня 1915 г. гродненский губернатор, генерал-майор Свиты В. Н. Шебеко, выступая в г. Суховол, объявил о выселении всех евреев, проживающих в прифронтовой зоне, добавив: «Остаться разрешено лишь после дачи заложников и то только коренному населению»²⁴.

Более того, дело доходило и до частичной реализации вышеуказанных предложений Янушкевича. 17 июля 1914 г. Николаем II было утверждено Положение о военно-автомобильной повинности²⁵, а двумя днями позднее вышел приказ Жилинского, в котором среди прочего указывалось,

что лица иудейского вероисповедания не могут служить шоферами в войсках. По всей видимости, позднее он был отменён — поэтому военным водителем в Первую мировую войну служил, к примеру, В. Б. Шкловский. Однако в 1915 г. по распоряжению военных властей из автомобильных рот Петрограда и Москвы были исключены все служившие в них евреи. Владеющие специальными знаниями техники и инженеры, они до того пробывали в автомобильных ротах по 10 месяцев, добросовестно исполняя свои обязанности. В итоге, кадры той же Петроградской автомобильной роты рассылались по военным округам в маршевые роты²⁶.

Другим ярким примером является распоряжение штаба Ковенской крепости, комендантом которой тогда состоял генерал от кавалерии В. Н. Григорьев, от 13 июля 1915 г., согласно которому из войск гарнизона были изъяты все нижние чины иудейского вероисповедания. Их высылка из крепостного района мотивировалась угрозой «военного шпионства». Вызовом солдат для объяснения этого распоряжения, служила оскорбительная команда «жида — вперёд». После этого с них были сняты униформа и обувь. Солдат-евреев собрали вместе и под командой прапорщика препроводили в Ковенскую губернскую тюрьму, где они и провели ночь, а утром следующего дня были отправлены в Вильну. Их общее количество превышало 1500 человек, среди которых имелось более 10 георгиевских кавалеров, участников Русско-японской войны 1904–1905 гг. и Китайской кампании 1900 г.²⁷ Наряду с этим было выслано все еврейское население в пределах крепостной эспланады, включавшей не только город, но и немалую часть губернии. Абсурдность и пагубность этой меры становятся особенно очевидны в свете последующей участи — позорной сдачи — Ковенской крепости и самого Григорьева (сбежавшего с поля боя).

Приведённые примеры инициатив командования русских войск на местах характеризуются их независимостью от решений и приказов Верховного главнокомандующего. Уже в свете них персонифицировать в лице Николая Николаевича-младшего вину в организации выдворения евреев представляется не вполне резонным.

Что же касается правительства, то ещё годом ранее Совет министров склонялся к мнению, что «предпринятая с начала войны высылка в отдаленные от театра войны местности Империи... австрийских, германских и венгерских подданных... является в данном вопросе паллиативом»²⁸, т. е. полумерой. В разгар депортации евреев из Ковенской и Курляндской губерний, 5 мая 1915 г. депутат Государственной Думы от последней

М. А. Варшавский, литовский раввин, а так же делегация евреев — жителей Риги добились приёма у министра внутренних дел Н. А. Маклакова. Они ходатайствовали о прекращении выселения. С аналогичной просьбой 9 мая у министра побывали депутат Думы Фридман, присяжный поверенный Хоронжицкий, заводчики Френкель и Нурук из Шавли. Маклаков заверил делегации в том, что правительство обсудит их заявления, однако главную роль в решении проблемы, по его мнению, должны играть местные власти²⁹. Данная позиция демонстрировала скорее пассивное одобрение правительством политики массового интернирования евреев, оставление её на откуп военным властям на фронте вплоть до конца августа 1915 г. Поэтому нам представляется справедливым комментарий историка В. П. Булдакова к точке зрения Куликова о том, что в патерналистских системах «своеволие» допускается в расчете если не на одобрение, то на «понимание свыше»³⁰.

Что же касается радикальных попыток решения «немецкого вопроса», то хотя оно и вызрело в штабе Верховного главнокомандующего, начало его воплощению положил приказ от 23 сентября 1914 г. начальника 68-й пехотной дивизии генерал-майора А. Н. Апухтина выслать всех немцев из Ливавы и Виндавы. Вскоре начальник штаба Двинского военного округа генерал-лейтенант П. Г. Курлов отдал аналогичное распоряжение, касающееся Сувалкской губернии. 10 октября по инициативе командующего 10-й армией генерала от инфантерии Ф. В. Сиверса колонисты должны были покинуть все места, находящиеся на военном положении³¹. Таким образом, мы можем говорить о череде экстраординарных инициатив «на местах».

Лишь 3 ноября 1914 года великий князь Николай Николаевич через своего начальника штаба генерала от инфантерии Н. Н. Янушкевича выразил председателю правительства несогласие с таким решением и потребовал передать полномочия по депортации из пограничных губерний лично ему, а из других районов — Министерству внутренних дел. Не дожидаясь, пока вопрос прояснится окончательно, главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта генерал от инфантерии Н. В. Рузский приступил (с 7 ноября) к выселению немцев из Лифляндии, Курляндии и Риги, включая находящихся на государственной и общественной службе. 30 ноября началась депортация из Сувалкской губернии. Коснулась она всех поголовно, а не только военнообязанных³².

20 декабря 1914 года начальник штаба 1-й армии генерал-лейтенант И. З. Одишелидзе, исходя из донесений «о неблагонадежности коло-

нистов», просил разрешение Рузского на их выселение из районов, занимаемых армией. Ответ не заставил себя ждать: 23 декабря главный начальник снабжений армий Северо-Западного фронта генерал от инфантерии Н. А. Данилов приказал командующим 1-й, 2-й и 5-й армиями и главному начальнику Двинского военного округа выселить с левого берега Вислы «во внутренние губернии всех немцев-колонистов мужского пола в возрасте 15 лет и старше, кроме больных, не могущих выдержать переезда»³³. В тот же день последовало указание очистить от этой категории граждан полосы вдоль железных дорог, обеспечивающих фронт, на 15 верст в каждую сторону от колеи.

Когда в Варшаве решалась судьба немцев, проживающих в Привислинском крае, в столице Совет министров принял 2 февраля 1915 года «Узаконение о прекращении землевладения и землепользования подданных и выходцев из враждующих с Россиею государств». Следуя ему, колонисты западных губерний должны были в двухлетний срок продать свои надельные и благоприобретенные земли и другую недвижимость. Право избежать ликвидационных мер предоставлялось тем лицам, которые (или чьи предки) служили в русской армии офицерами, но не солдатами³⁴.

Но даже после смещения великого князя с поста Верховного главнокомандующего в августе 1915 г. принудительные высылки населения прифронтовой полосы не прекратились. По официальному свидетельству властей, вплоть до 10 сентября 1915 г. «на Юго-Западном фронте население удаляется заблаговременно и при этом принудительно выселяются только лица от 17 до 45 лет»³⁵ (разумеется, с указанными мужчинами призывного возраста вынуждены были покидать родные места и члены их семей). В середине сентября командование Северного фронта решило «выселить из Лифляндской губернии всех мужчин от 17 до 45 лет, как обычно уводимых германцами из занятых ими местностей для использования их в военных целях»³⁶. Правительству с трудом удалось предотвратить исполнение этого решения.

Таким образом, вынужденные переселения в Российской империи в период Первой мировой войны были обусловлены комплексом причин. Беженство из западного порубежья, наряду с эвакуацией важного сегмента промышленного потенциала страны, в основной их массе породила военная угроза. В этом событии в России схожи с опытом других стран-участниц Первой мировой войны — например, Германией и Бельгией.

Выдворением признанных «политически неблагонадежными» масс еврейского населения и немецких колонистов Ставка намеревалась лишить наступающего в пределы империи противника поддержки. В отношении немцев сыграл свою роль экономический фактор — их землевладения планировалось подвергнуть секвестру и произвести передел в аграрном секторе экономики под лозунгами борьбы с «немецким засильем».

Роль Верховного главнокомандующего Русской императорской армией до августа 1915 г. великого князя Николая Николаевича-младшего в запуске и раскручивании маховика вынужденных переселений в указанный период не вызывает сомнений. Однако возложение на него персональной вины представляется необъективным, как и утверждение о выселении евреев из прифронтовой полосы в ходе военных кампаний 1914–1915 гг. вопреки мнению царя и правительства.

Примечания

- ¹ Белькова Е. Г. Беженцы и переселенцы: разграничение понятий // Известия ИГЭА. 2008. № 3. С. 116.
- ² Полян П. М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С. 11.
- ³ Цит. по: Законы и распоряжения о беженцах. Изд. 2-е, знач. дополненное. Вып. I. М., 1916. С. 2.
- ⁴ Жванко Л. М. Біженство Першої світової війни в Україні: Документи і матеріали (1914–1918 рр.). Харків, 2010. С. 22.
- ⁵ Зданович А. А., Измозик В. С. Сорок лет на секретной службе: жизнь и приключения Владимира Кривоша. М., 2007. С. 149.
- ⁶ Отдел военной литературы Российской государственной библиотеки (ОВЛ РГБ). Инв. № 157/22.
- ⁷ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 579. Оп. 1. Д. 2011. Л. 32об., 36–37.
- ⁸ Дякин В. С. Первая мировая война и мероприятия по ликвидации так называемого немецкого засилья // Первая мировая война 1914–1918. М., 1968. С. 228.
- ⁹ ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2027. Л. 22.
- ¹⁰ См.: Шайдуров В. Н. Первая мировая война и судьбы российских немцев // Алтайский сборник. Выпуск XX. Барнаул, 2000. С. 48–62.
- ¹¹ Курцев А. Н. Беженство // Россия и Первая мировая война. Материалы международного научного colloquiuma. СПб., 1999. С. 129.
- ¹² Коленковский А. К. Зимняя операция в Восточной Пруссии в 1915 г. М.; Л., 1927. С. 152; Редерн Г. Зимняя операция в районе Мазурских озёр. Пг., 1921. С. 56.
- ¹³ Шатохина-Мордвинцева Г. А. Нейтралитет Нидерландов в годы Первой мировой войны // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология.

- Экономика. Информатика. 2009. № 11. С. 68; Abbenhuis M. The Art of Staying Neutral: The Netherlands in the First world war, 1914–1918. P. 99.
- ¹⁴ Симиндей В. В. Деформация прибалтийских окраин России: социально-политические последствия германского вторжения (1915–1920 гг.) // Забытая война и преданные герои/Авт.-сост. Е. Н. Рудая. М., 2011. С. 182.
- ¹⁵ Курцев А. Н. Указ. соч. С. 133.
- ¹⁶ Лор Э. Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М., 2012. С. 155, 159.
- ¹⁷ Лихачева Т. Н. Беженцы-поляки в годы Первой мировой войны во внутренних губерниях Российской империи // Российско-польский исторический альманах. Вып. IV. Ставрополь; Волгоград; М., 2009. С. 199.
- ¹⁸ Подробнее см.: Пахалюк К. А. Крушение самодержавия в России: идеологические причины // Исторический журнал: научные исследования. 2012. № 5. С. 45–52.
- ¹⁹ Цит. по: Мультатули П. В. Николай II: Отречение, которого не было. М., 2010. С. 16.
- ²⁰ Куликов С. В. Император Николай II как реформатор: к постановке проблемы // Российская история. 2009. № 4. С. 53.
- ²¹ Будницкий О. В. В чужом пиру похмелье: Евреи и русская революция // Евреи и русская революция: Материалы и исследования. М.; Иерусалим, 1999. С. 3.
- ²² Миндлин А. Б. Проекты Объединенного дворянства России по «еврейскому вопросу» // Вопросы истории. 2002. № 4. С. 19; Хаген фон, М. Пределы реформ: национализм и русская императорская армия в 1874–1917 гг. // Отечественная история. 2004. № 5. С. 44.
- ²³ Документы о преследовании евреев // Архив русской революции. Т. 19. Берлин, 1928. С. 247–248. Именно этот документ приводит Мультатули, датируя его, однако, августом 1915 г. и приписывая Николаю Николаевичу-младшему.
- ²⁴ ГА РФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 165. Л. 8.
- ²⁵ Казаков А. Е. Особенности реализации военно-автомобильной повинности в России в годы Первой мировой войны (на примере Казанского военного округа) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 76. С. 160.
- ²⁶ ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2011. Л. 20.
- ²⁷ Там же. Л. 54.
- ²⁸ Цит. по: Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг./1914 год. М., 2006. С. 505.
- ²⁹ Зорин В. Ю., Аманжолова Д. А., Кулешов С. В. Национальный вопрос в Государственных думах России: опыт законотворчества. М., 1999. С. 187.
- ³⁰ Булдаков В. П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг.: условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010. С. 77.
- ³¹ Нелипович С. Г. Генерал от инфантерии Н. Н. Янушкевич: «Немецкую пакасть уволить, и без нежностей...» Депортации в России, 1914–1918 гг. // Военно-исторический журнал. 1997. № 1. С. 43.

³² Там же.

³³ Цит. по: Черепица В. Н. Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны: мероприятия гражданских и военных властей по обеспечению обороноспособности и жизнедеятельности. Гродно, 2006. С. 89.

³⁴ Дякин В. С. Об одной неудавшейся «попытке» царизма решить земельный вопрос в годы Первой мировой войны // Вестник молодых ученых. Исторические науки. 1999. №1 (5). С. 6.

³⁵ Курцев А. Н. Указ. соч. С. 133.

³⁶ Там же.